

Леонид Кудрявцев, Далия Трускиновская

Баллада о двух гастарбайтерах

*Часть сборника
Русская фантастика 2007*

Леонид Кудрявцев

Баллада о двух гастарбайтерах

«Автор»

«Автор»

2006

Кудрявцев Л. В.

Баллада о двух гастарбайтерах / Л. В. Кудрявцев — «Автор»,
«Автор», 2006

На далекой планете живут странные создания, мнемозавры, умеющие силой мысли отрачивать себе все, что требуется для выживания: шипы, клешни, броню. Этим бойцов нанимают межпланетные корпорации и государства для участия в больших турнирах. И вот на одной арене должны драться за очень ценный приз старый опытный боец и агрессивная, амбициозная, молодая противница. Ставка, как всегда, больше, чем жизнь...

© Кудрявцев Л. В., 2006

© Автор, 2006

© Автор, 2006

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Леонид Кудрявцев, Далия Трускиновская

Баллада о двух гастарбайтерах

1

Потолок логова был покрыт искусственным мхом, и стоило мне чуть-чуть привстать, как я всей спиной чувствовал его теплую шероховатость. Стены оклеили самым мягким, буквально шелковым на ощупь тригрином, а пол я попросил отлить из качественного шерстона. В общем, логово получилось классное. Настоящее логово заслуженного, выигравшего многие и многие схватки гастарбайтера-бойца.

Я лежал в нем и на зеленом, приятном для глаз объем-экране компа строил модель новой серии ударов. Она выросла из разработанной еще полгода назад и ставшей теперь уже привычной «Смены состава заседателей», в которую я добавил несколько элементов из «Сговора фракций». Сочетание получилось таким перспективным, что тянуло на отдельное название. Что-нибудь вроде «Бреющего полета над гнездом спикера».

Мысль об этом, а также о том, как я применю этот прием, будила у меня в груди приятное тепло.

Потом рядом с моим логовом послышались голоса людей, что было плохим знаком. Без серьезного повода эти потсы не приходят.

Я прислушался.

– А политика... – сказал незнакомый мне человек.

– О политике при нем ни слова, – пояснил главный тренер.

Вот его-то голос можно было опознать без колебаний.

– Однако я считал... если это его хобби...

– То что?

– Один из способов расположить к себе – это поговорить о любимом занятии. Разве нет?

– Ты здорово понимаешь в политике?

– Ну-у-у... в пределах определенной нормы.

– А вот он – великолепно и терпеть не может, когда о ней рассуждают дилетанты. Так что на эту тему с ним ты разговаривать не будешь. По крайней мере, сегодня. Вот все закончится...

– Но тогда... после всего...

– Мы слишком близко к логову. Давай-ка приступим к делу.

– Хорошо, начинаем. Как его вызвать сюда?

– Он уже знает о нашем появлении. У него не очень хороший слух. О чем мы говорили, он не разобрал, но о нашем приходе уже знает. Будь уверен.

– Значит?

– Значит, нам остается лишь подождать. Он сейчас появится. Вот сейчас.

Я сладко потянулся.

Все-таки правильно я в свое время запарил им мозги насчет своего плохого слуха. Иногда это приносит любопытные результаты. Кстати, что именно должно закончиться? А предварительно что должно начаться?

Ох, не к добру это.

Люди – мерзкие, противные, лживые хорьколисы. Я вывел эту формулу давным-давно, где-то после десятого-пятнадцатого своего боя. Причем за все последующие годы, до настоящего момента, признать ее несправедливой мне как-то не подворачивалось случая.

Противные, лживые хорьколисы. Пусть подождут, пусть понервничают.

Я лег поудобнее, вывел на экран схему и снова стал проверять раскладку по движениям. Что-то меня в последней части беспокоило, что-то было не так. Возможно, завершающий ее удар хвостом.

Минут через десять люди занервничали. Один из них даже притворно закашлялся. Я перевел комп в режим сна и решил, что цель достигнута. Еще немного, и люди начнут всерьез злиться, а вот это сегодня было не в моих интересах. Позлить – с великим удовольствием, а устраивать скандал... Нет, сегодня мне хотелось от них избавиться побыстрее.

В общем, я придал своей мыслеплоти подходящий случаю вид, высунул голову из логова и спросил:

– Вам чего?

– Хак Додик, твой новый тренер по идеологии, – представил главный тренер.

Рядом с ним стоял невысокий лысый тип. Морда его, насколько мне позволял это определить опыт общения с людьми, относилась к разряду препаскудных, а улыбкой, казалось, можно было смазывать сковородку перед приготовлением блинов, такая она была сальная.

– Старый куда делся? – спросил я.

Очень хотелось показать клыки, но я не стал. Поганая улыбка – еще не повод. Вот завтра или послезавтра... К этому времени подберется что-нибудь посущественнее.

– Это сделано для повышения результативности, – важно сообщил главный тренер. – Решение руководства боев.

– А что, разве результативность низкая? – спросил я. – Последние десять боев я выиграл вчистую.

– И ты, конечно, хочешь, чтобы подобное положение дел сохранилось и дальше? – поинтересовался главный тренер.

А новый тренер по идеологии заявил:

– Решение руководства – непререкаемо.

Я наградил его долгим мрачным взглядом, нарвавшись на который большая часть людей начинала чувствовать себя неудобно. Этот его проигнорировал. Что меня впечатлило, но не сильно. Вот если он вытерпит «интенсивное дружеское обнюхивание»... Впрочем, это будет завтра. А сейчас я буквально всей поверхностью мыслеплоти чувствовал, что сказано еще не все.

Ну же, гаденыши, выкладывайте все карты на стол. Я жду.

Они молчали.

Тогда я спросил:

– Уроды, что случилось?

Новый тренер от возмущения покраснел, словно хохолок самца гранфадуна в брачный период. Главный распорядитель не повел и ухом. Он был привычный.

– Да, есть и еще одна новость, – сказал он.

– Это какая? – буркнул я.

– Новый бой будет уже завтра.

Я смачно хлопнул хвостом по полу логова и сказал:

– Ладно, высыпайте все до конца. Я вас слушаю.

– Сказать, с кем ты будешь драться?

– С кем?

Он сказал.

2

Я теперь делаю насечки на краю левой грудной броневой пластины. Они не знают, что там край обычно мягкий, потому что пластина растет и обновляется. Я делаю их вторым боевым когтем правой передней лапы. За первым боевым когтем они внимательно следят, чтобы не затупился. А второй и третий не такие значительные.

Каждая трапеза – одна засечка. Они говорят, что у меня две трапезы в сутки. Я не знаю, что такое сутки, но считать трапезы умею.

Было время, когда мы не знали времени. Я и теперь плохо понимаю, для чего оно нужно и как с ним обходиться.

– Не забивай себе голову всякими глупостями, – сказала Кристина, мой тренер по идеологии, когда я попыталась разобраться, что же такое сутки. – Это для тех, кто работает и каждый день делает одно и то же. Им важно знать, когда пройдут девять суток и настанут десятые, чтобы можно было остаться дома и отдыхать. Или для распорядителей – чтобы расписание боев составлять. А нам, женщинам, зачем? Ну, подумай сама...

Она принесла в своем портативном компе целую кучу всяких милых вещиц. Мы вытащили на экран бронзовые дверные ручки, и коврики, и вышитые подушечки из псевдошерсти, которые кладут на трон. Я даже села рядом с ней на ступеньки, чтобы чуть ли не в обнимку смотреть на экран и отмечать самые замечательные и нужные мне штуковины. Я люблю свое жилище, люблю, когда все вокруг мягкое, нежное, люблю, чтобы сочетания цветов были говорящие... Людям не понять, но Кристина очень старается.

Когда нас никто не видит, мы часто сидим перед тренировкой или после нее вот так, на ступеньках трона. Как будто на равных. А вообще я принимаю людей только сидя на троне. И даже недавно заставила выстроить для меня новый тронный зал. Длинный, с высоким потолком, чтобы принимать журналистов. Они мне нравятся. Всегда задают вопросы, на которые я уже знаю ответы, и, как говорит Кристина, пекутся о моей популярности. А популярность – хорошая штука. От нее только польза. И еще благодаря ей я попаду в историю. Тот, кто попадет в историю, станет по-настоящему знаменитым, тот не умрет никогда.

Еще Кристина говорит, что такие, как я, рождаются раз в столетие. И она права – я ведь еще совсем молодая, самая молодая в «Шоу победоносных», а у меня уже восемь побед.

– Ты самая лучшая, Дизи, самая быстрая и самая крепкая! – так говорит она, глядя мне в глаза. – Я не знаю никого, умеющего отраживать новые боевые гребни с такой скоростью! Ты только слушайся – и мы вдвоем добьемся такой славы, что все «Шоу яростных», «Шоу обреченных» и «Шоу титановых лап» просто умрут от зависти!

Когда меня признают лучшим бойцом, я по-царски награжу Кристину. Есть несколько сильных противниц, но я с ними скоро справлюсь.

Хотя и с Кристиной не все так просто. Почему-то она учит меня не тому, что мне нужно на самом деле.

Я знаю, чего боятся люди, я добываю эти страхи из их памяти, я трачу время и силы, чтобы сделаться такой же страшной, как то, что пугает их, но они странные... И Кристина тоже.

Она работает моим тренером недавно, и я вскрыла ее память сразу. До того у меня был тренер, который умел ставить защиту, поэтому я отказалась с ним работать. Должна же я знать, что делается в голове у моего тренера! Я кричала и обдирала ковры со стен, топтала их и драла когтями, пока ко мне не привели Кристину.

Тут произошло недоразумение.

Кристина мне понравилась. А я такая – мне или можно понравиться сразу, или никогда. Это касается и самцов. В нашем роду все такие – любовь с первого взгляда и первого соприкосновения силовых лучей. Или же ненависть с первого взгляда. Много ненавидеть опасно,

это мешает растить детенышей, но вот я ненавижу плохие запахи, хорьколисов, а еще старых, сморщенных, но все еще много о себе воображающих самцов. Они не дают дорогу молодым и корчат из себя победителей, хотя мыслеплоть у них уже не имеет упругости, а боевые когти – настоящей остроты. Они больше не умеют работать с чужими мыслями – а выращивают те боевые приспособления, к которым привыкли.

Тогда Кристина показывала мне картинки и говорила, какая я сильная и смелая, но я же видела, что чудовища на картинках ей на самом деле не страшны. Она боялась совсем другого.

Я сказала ей, что нуждаюсь в отдыхе – мне нужно наново выстроить схему своего боевого тела, с самого начала, на иной основе. Она согласилась, и в промежутках между тремя трапезами меня не трогали. Потом она вошла в мой дворец, я в совершенно новой броне из мыслеплоти ждала ее на троне и встала, чтобы спуститься по ступеням, я всегда так встречаю Кристину, но она зажала рот рукой и выбежала из дворца.

Потом она вернулась и заняла свое место – на ступеньках возле трона.

– Дизи, ты самый страшный мнемозавр, какого я когда-нибудь видела, – сказала она. – Записи твоих боев продаются за бешеные деньги. Но публика хочет, чтобы ты была похожа на картинки, которые я тебе показываю. Понимаешь, публика платит деньги, чтобы увидеть настоящий бой между двумя чудовищами в чешуе, с большими спинными гребнями, с острыми когтями, с челюстями, как у крокодила. Ты вырастила замечательное тело, просто великолепное, но публика этого не поймет. И скажи сама – разве оно годится для настоящего боя?

– Оно страшное, – ответила я. – Противник прежде всего должен испугаться. А когти я уже нарастила – видишь, по два основных боевых на каждой руке и по три добавочных. Кроме того, я уже начала отращивать рога, а на ногах – копыта. Правда, придется перестраивать суставы – сейчас я могу лягаться только назад, а надо вперед. Чешую отрастить несложно...

– Все равно, Дизи, публике нужно чудовище, которое было бы страшным для всех, а это – страшное только для меня. Скажи правду, ты ведь откопала его в самых дальних пластах моей памяти? Мне тогда было пять лет, ведь так, Дизи?

– Я не знаю, что значит «пять лет», но ты не так давно вылупилась из своего яйца, когда явилось это чудовище.

– Ты понимаешь, Дизи... – тут Кристина вздохнула. – Это действительно чудовище, но только для меня. Я даже не думала, что так крепко запомнила свою первую учительницу музыки. Я страшно боялась ее, потому что не понимала, чего она от меня хочет. От страха, наверно, и не понимала. Ты можешь отрастить ей копыта и пару рогов, как у буйвола, меня это лишь обрадует, но твой противник просто не поймет, чего тут надо бояться. Давай-ка лучше вылепим обыкновенное нормальное боевое чудовище, которое выходит на арену на четырех лапах и может сражаться хвостом.

– Хвост можно нарастить и сейчас, – сказала я. – Это будет очень удобно – две длинных ноги, которые лягают вперед одновременно при упоре на длинный тяжелый хвост. Это будет удар... это будет удар «Две ласточки взлетают с камня».

– Хорошо, – ответила Кристина. – Название замечательное.

И вдруг она показала зубы. У них это означает: я доволен и радуюсь.

Она всегда так делает, когда я придумываю что-то красивое.

Потом мы работали над хвостом. Она рассказывала мне, какие бывают хвосты, и на экране показывала их. Мы даже сразу моду... моле... нет, моделировали... Сперва – представляли себе, потом я выпускала комок мыслеплоти, и перегоняла его по телу к нужному месту, и лепила, и наращивала, пробуя тут же, каково с этим хвостом обращаться. Кристина тут же трогала его и проверяла плотность. Я могу нарастить и очень большой хвост, но нужно, чтобы он был крепок в бою. А если мыслеплоть распределить неправильно, он будет виден, но не опасен.

После Кристины пришел Чжи-вэй. Он принес охапку палок разного назначения, длинных и коротких, на концах которых были клювы, когти, режущие пластины, колючие шишки, и мы стали отрабатывать удары и броски.

Кстати, у Кристины и Чжи-вэя, как я поняла, только одно тело. А еще они не умеют его заворачивать в мыслеплоть, у них для этого нет соответствующей мембраны на груди, и вынуждены показывать свое тело другим людям. Целыми кусками. Это так неприлично.

Ни одна самка-мнемозавр на это не пойдет. Не то что показать кому-то другому, мы даже не имеем права смотреть на свое тело сами. В отличие от самцов. У них разглядывать свое настоящее тело не считается неприличным. Впрочем, самцы – они и есть самцы.

– Через трое суток соревнования, – сказал Чжи-вэй. – Передай этой своей дуре, что не там нужно мясо наращивать. Ты сегодня страшнее всех рогатых демонов, но все это мясо не двигается, понимаешь?

– А она сказала – передай этому дураку, чтобы придумал ком... кум... слово не помню, но чтобы мне не приходилось кувыркаться и не портились спинные гребни, – тут же ответила я.

Чжи-вэй неприятен мне. Он – хороший тренер, мне его купили за много трапез, но он мужчина. Мне сказали, что хороших тренеров-женщин по бою не бывает и почему-то не может быть. Я не верю. Кристина хороший тренер по мясу. С ней я за одно занятие выпускаю и закрепляю столько мыслеплоти, сколько раньше делала за шесть. Если бы Кристина отыскала мне тренера-женщину, пусть не такую опытную, как Чжи-вэй, я бы показала лучшие успехи с женщиной.

– Если ты не будешь кувыркаться, тебя пропорют клыками, – прошептал Чжи-вэй. – Я слышал в таверне, как тренер твоего противника хвастался, будто им там удалось вырастить клыки, как у моржа...

– Кто такой морж?

Чжи-вэй задумался. И нехорошо усмехнулся.

– Я бы принес тебе картинку, Диззи, но не принесу. Я не хочу выполнять работу этой твоей дуры. Одно скажу – противник у тебя будет такой, что можешь и не справиться...

– Противник, с которым я могу не справиться?!

От злости у меня выхлестнул из груди огромный и клубящийся ком мыслеплоти, завился спиралью, вытянулся в сторону Чжи-вэя и вдруг затвердел. Тренер вовремя отскочил.

– Убери это! – закричал он. – Это не оружие! Ты не сможешь действовать руками, когда из груди торчит такое, такое!..

Я напряглась и оттянула силу от мембраны. В самом деле, он прав, я отрастила какое-то неподходящее приспособление. Я напрягла соответствующие мускулы и пережала его. Мыслеплоть лишилась связи со мной. Несколько ударов пульса этот огромный витой рог еще держался на груди, между пластинами, потом со стуком отвалился.

– Уничтожь, – сказала я. – Ты знаешь, моя мыслеплоть не должна попасть в лапы чужим людям.

Чжи-вэй молча поклонился.

А я подумала: противник? Он должен был сказать: противница...

3

Золотые пластинки с моего трона содрали. Пол логова лишился шерстонового покрытия. Вода для питья более не пахла свежими гигперсиками.

Я делал вид, что мне все по барабану. Большого труда это не составляло. Что-что, а ставить людей на место за время общения с ними я научился великолепно. Рано или поздно они пойдут на попятный. Мне уже не раз случалось убеждаться, как легко они изменяют своим принципам. Особенно если запахло деньгами.

Деньги...

На этот раз все было наоборот. Отказаться от очередной блажи для людей значило потерять какие-то деньги, но я знал, я был уверен, что они спасуют и сейчас. В меня, в мою рекламу вложено больше, а люди в любой ситуации выбирают вариант, несущий им наименьшие финансовые потери.

Значит, победа будет за мной, а люди в очередной раз умоются.

Новый тренер по идеологии, этот Додик, каждый день, в одно и то же время подходил к моему логову и спрашивал, буду ли я драться. Я угрюмо посылал его в нору пищеуна, упившего перебродившим синегодным соком, и он уходил.

В общем, получилась вроде бы патовая ситуация. Они упорно пытались меня уговорить, а я отказывался. Заканчивать карьеру, уходить навсегда с арены мне еще было рановато.

День на пятый тренер по воспитанию, услышав стандартный ответ, одарил меня своей фирменной улыбкой и сказал:

– Зак, ты зря упорствуешь.

Я издал кашляющий звук, имеющий значение «Глупый детеныш, не стоящий беседы».

Тренер заявил:

– Ты не совсем понимаешь ситуацию. Наши исследования показали, что бой самца и самки будет самым рейтинговым событием за весь последний год. Получается, зрители всех подключенных к нашей системе развлечения миров просто жаждут этого боя. А сам знаешь: тот, кто сумел угодить публике, кто завоевал этот самый высший рейтинг, получит право самому назначать цену за свои услуги. Доходит?

Говорил он убедительно. А я все-таки сдаваться не собирался. Кто согласится встретиться на арене с самкой? Между собой самки драться имеют полное право. Это их дело, их ремесло, их умение. Но чтобы самец с самкой...

Именно поэтому я заявил:

– Нет, не доходит. Не понимаю.

– Все ты понимаешь, – зло сказал тренер. – И ради высшего рейтинга... Поверь, мы очень далеко можем зайти. Очень. Все еще только начинается.

Я сказал:

– Мне все равно. Вы знаете, что я на этот бой не выйду. Да и нет никакого резона драться с самкой. Я не смогу ее убить, она не сможет убить меня. Значит, гарантированно будет ничья. Гробить ради нее карьеру я не собираюсь.

– Нет? Ты не сможешь ее побить?

– Я не смогу довести себя до боевого состояния, не смогу ее возненавидеть с надлежащей силой. Это инстинкты, и против них не попрешь.

Тренер по идеологии покачал головой.

– Те, кто с тобой работал раньше, допустили большую ошибку. Ты слишком много знаешь о людях. И пытаешься играть по их правилам. Неудачно, крайне неудачно.

У меня на этот счет было другое мнение, но я промолчал.

Что толку в словах? Особенно если они предназначены тем, кто не способен понять заключенный в них смысл.

На следующий день потолок моего логова заляпали чем-то скользким и холодным, словно крыло околешней ледяной стрекозы, на завтрак дали жилистое мясо, а ближе к вечеру возле моего логова появился волночешуйный скальтник. Он уселся рядом с входом и, уверенно выстукивая на покрывавших живот чешуйках мелодию, запел скальту о бегстве трусливого отряда. Я знал, для чего это сделано, но терпел.

Ничего позорного в этом не было. Я не мог просто так, за здорово живешь, угробить свою карьеру. За счет моих боев воевала целая планета. Она находилась на самом краю галактики, но это не спасало от врагов, с которыми стоит воевать не на жизнь, а на смерть. И воевали. А война требовала денег. Информационно-межгалактических, для покупки вооружения. И добыть их можно было, лишь путем многих лишений накопив сначала на яйцо гастарбайтера-воина. Потом надлежало заплатить специалисту, желательно димьянину, хорошо заплатить. Он, объехав несколько ферм по разведению мнемозавров, должен был выбрать крохотного, недавно родившегося ящера, выбрать по одному ему известным признакам будущего бойца, а потом...

Я не удержался и покачал головой.

У каждой расы есть своя планета, есть свой дом, место, в котором она родилась. И только у нас родины нет. Когда-то она, конечно, была. Но это было так давно, и пока все мои исследования архивов, а я проводил их очень тщательно, не принесли никаких результатов, не дали мне названия планеты, с которой мы шагнули к звездам. Расы, которым мы принадлежим, сменяются одна за другой, а мы остаемся, для того чтобы сражаться и умирать на потеху. Собственно, теперь мы умеем только это.

Я ощутил во рту горечь, словно нализался ядовитой чечевицы.

Вот кто мы. Раса гладиаторов, раса вечных гастарбайтеров.

Ладно, не стоит на этом заикливаться. О чем это я... Ах да, после того как маленький мнемозаврик будет куплен, надлежит оплатить его обучение и тренировки. И оплачивать их следует до тех пор, пока он не будет готов к первому бою. Причем, перед тем как он в первый раз выйдет на арену, следует заплатить крупную сумму в виде залога за несколько пробных боев, и лишь после этого, если он в самом деле окажется толковым воином, если им заинтересуется серьезная компания, если он и дальше будет показывать неплохие результаты, с него пойдет доход. Не такой большой, чтобы разбогатеть и начать скупать звездные корабли флотилиями, но достаточный для ведения войны с заклятым врагом, обладающим примерно такими же ресурсами, как и у тебя, не навешивая на свою планету долги, которые будут отдавать многие последующие поколения ее жителей.

К чему я это? Да к тому еще раз, что я не простой гастарбайтер-боец. О моей удаче молится целая планета. Может быть, еще и поэтому я так до сих пор и не проиграл ни одного боя?

Гастарбайтер.

Вот забавное словечко, из далекого прошлого людей. Кажется, тогда, когда они еще даже всерьез не вышли в космос, так называли тех, кто очень нуждался в работе и добивался ее в чужих краях любыми средствами. Любой работы. В общем, упорные они были, эти древние гастарбайтеры. И уронить это славное название, отказавшись...

Ладно, не надо патетики. Достаточно сказать, что уйти с арены мне не позволяла забота о судьбе целой планеты. Выращивать нового бойца у моих хозяев уже нет времени. Тотальная война – это вам не шуточки.

– Сладко ли тебе, Зак? – спросил меня на следующий день тренер по воспитанию.

Я подумал, что, кажется, начинаю не любить его всерьез. И значит... Хм, а почему бы и нет? Что, если слегка пошарить у него в памяти? Конечно, это не положено, и у меня есть с

людьми особое соглашение, но они пытаются меня вынудить принять этот бой, причем самыми грубыми методами, и почему бы мне в ответ не проявить некоторую бестактность?

– Не хочешь отвечать? – поинтересовался Додик.

– А что ты хотел услышать?

– Ответ на вопрос, – пробубнил этот кретин.

Ну-ну...

Я проник в его память и пошарил в ней. Очень осторожно, словно вор, вознамерившийся стянуть из гнезда остроклювых соколов парочку яиц. Тренер моего присутствия даже не заметил.

Впрочем, меня ждало разочарование. Все сведения, касающиеся моего будущего, были аккуратным образом заблокированы. Получалось, люди мои действия предвидели. Вот тут я в первый раз с того момента, как мне объявили, что я буду драться с самкой, почувствовал себя униженным. Это не помешало мне сунуть нос в другие области памяти. В одной из них меня ждала счастливая находка. Они не заблокировали сведения, касающиеся моей предполагаемой соперницы. И это была очень большая ошибка. Я обнаружил в них весьма любопытные факты.

Они многое объясняли. Дело в том, что самки – они вообще могут драться с кем бы то ни было лишь ради своих детенышей. Так устроила природа. Мы, способные лишь от одной мысли об агрессии превращаться в смертоносных монстров, как мы без этого могли бы продолжать свой род? Вот природа и наложила на нас свои табу, ограничения. Самец не может убить самку, а та способна драться лишь для того, чтобы защитить своего детеныша или чтобы раздобыть ему пропитание.

Она, природа, только не предусмотрела хитроумия людей. В отношении этой конкретной самки они учудили нечто особенное. Они ее накачивают ненавистью к самцам. И ее детеныш... с ним они тоже придумали забавную штуку. Но сейчас это не имело большого значения. Меня заинтересовала именно ненависть к самцам. Получалось, если приплюсовать к ней желание выиграть ради детеныша, моя соперница могла меня и завалить. Может быть, не только выиграть схватку, но еще и убить.

Причем этим все происходившее со мной в последние дни объяснялось просто идеально.

Люди. Молодцы, нечего сказать. Редкие, очень редкие гаденыши. Не зря с людьми большинство галактических рас предпочитают не связываться.

Я заглянул в другие отделы памяти тренера и мимоходом убедился в том, что его улыбка не зря мне показалась такой неприятной. Штуки, которые некоторые люди проделывают, с моей точки зрения, необъяснимы. Хотя мое ли дело кого бы то ни было осуждать? Мне бы сейчас просто выжить, мне бы избежать этого поединка.

– Нет у тебя ответа? – квакнул любитель странных развлечений.

– Нет, – сказал я, чтобы он от меня отвязался.

– И ты...

– Мне все равно, – отчеканил я. – Можете делать что угодно, но с самкой я драться не буду.

– Тебе придется, – сказал он. – И куда ты не денешься. Шоу должно продолжаться. А зрители...

– Мне плевать на них. Найдите молодого глупого самца. Может быть, он согласится... Хотя...

– Зрители требуют Зака-непобедимого, – напомнил тренер. – И они тебя получают. Они всегда получают что хотят.

– Только не в этот раз.

Тренер пожал плечами и ушел. Он был уже у самой двери, когда я еще раз лишь на мгновение заглянул к нему в память. И увидел, что мои слова не пропали даром. В этот раз он мне, кажется, поверил, поверил окончательно.

И тогда я вздохнул с облегчением.

На следующий день мне сообщили, что у меня есть неделя. Никакого давления на меня более не будет, все потерянные блага мне возвращаются, но я имею право в течение недели передумать и согласиться на бой. Если согласие будет получено, мой гонорар увеличится неизмеримо.

Я подумал, что осталось подождать только неделю, а потом все вернется в свою колею. Всего лишь неделю. Похоже, неприятности и в самом деле закончились. Начиналась самая обычная жизнь. Бои, тренировки, противники, умирающие под моими ударами. Как всегда, как обычно, как должно быть.

На третий день от объявленного срока мне пришло личное сообщение. Оно было от правителей планеты Крит, той самой планеты, которой я принадлежал.

4

Кристина обещала, что Чжи-вэй больше не придет.

– Но, Дизи, тело нужно поменять, – мягко сказала она. – Новый тренер не сразу поймет, что тебе в нем нужно делать для победы. Давай оставим это тело для другого боя, не такого важного. Я тебя общелкаю со всех сторон, сделаем голограмму, и ты всегда сможешь восстановиться.

– Я сделаю этого непобедимого Зака одним крайним когтем левой ноги, – ответила я.

Это было даже обидно – объяснять мне, что для меня так важен бой с каким-то самцом. Мне! Самке! Я видела его в очень удачном теле накануне большого турнира «Титановых лап» – ну и что? Самец – он и есть самец. Даже победивший в бесчисленном количестве схваток! Ему нужны только еда, сон и теплое логово. Мне рассказывали, что он даже не хочет жить во дворце. Правда, трон ему облепили золотыми пластинами. Но что мужчины понимают в красоте?

– Я знаю, – улыбнулась Кристина. – Вся беда как раз в том, что ты сделаешь его одним крайним когтем левой ноги. И ты это можешь на первой же минуте поединка. Но зрители включают экраны телеобъемов ради прекрасного боя. Они хотят увидеть, как ты будешь гонять его по всему рингу, они хотят увидеть новые приемы, они обязательно потребуют твою знаменитую «пляску смерти». Вот поэтому давай-ка, моя королева, займемся новой боевой плотью.

Я согласилась. Мой прежний тренер по идеологии не был таким умницей, как Кристина. Он не понимал – есть вещи, о которых мне, лучшему бойцу «Шоу непобедимых», нельзя напоминать. Нельзя! Нельзя мне повторять каждый день, что я сражаюсь ради самого лучшего в мире... нельзя! Достаточно, что я сама это знаю!

Логово со стенками из ласкутушки! Да я бы спала на полу из железных плиток, как на ринге, и выходила бы на бой голодная и даже без двойного боевого гребня на хвосте, лишь бы мне отдали детеныша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.